

«Я ЧАСТЬ ЭТОГО МИРА...» НИКАС САФРОНОВ, ОДИН ИЗ САМЫХ КОММЕРЧЕСКИ УСПЕШНЫХ И ВОСТРЕБОВАННЫХ СОВРЕМЕННЫХ ХУДОЖНИКОВ, СЧИТАЕТ, ЧТО СОСТОЯВШИЙСЯ ЧЕЛОВЕК — ЭТО УЖЕ ЧАСТЬ ИСТОРИИ ТОЙ СТРАНЫ, В КОТОРОЙ ОН ЖИВЕТ: «И ЗДЕСЬ НЕЛЬЗЯ НИЧЕГО ИЗМЕНИТЬ — ЛЮБЯТ МЕНЯ ИЛИ НЕТ. КАК ГОВОРИЛИ ДРЕВНИЕ ГРЕКИ, ЕСЛИ ЧЕЛОВЕК ПРИ ЖИЗНИ ЗАСТАВИЛ ГОВОРИТЬ О СЕБЕ, ОН БУДЕТ СУЩЕСТВОВАТЬ, ПОКА МИР СУЩЕСТВУЕТ».

ЕЛЕНА ФЕДОТОВА

GUIDE: В Смольном соборе сейчас проходит ваша выставка «Мой мир. Мой храм. Моя душа». Экспозиция религиозного толка первая для вас?

НИКАС САФРОНОВ: Я бы назвал ее возвращением к истокам, к тому, чему я учился. Первую такую выставку я делал в 1977–1978 годах в городе Паневежисе, где жил и работал в драматическом театре у Баниониса. Потом стал экспериментировать в разных стилях — в кубизме, символизме, но никогда не забывал о классическом искусстве. Все время учился. В Вильнюсском художественном институте, в Европе, ездил по музеям, галереям, брал уроки, штудировал... Я считал, что каждый обучающийся художник должен владеть техникой, ремеслом профессионально. А дальше моей задачей был поиск... Свое новое направление я назвал dreamvision. Как бы сон, перед тем как проснешься, и недолгое воспоминание о нем после пробуждения.

На выставке 25 картин, я попытался представить тему духовности по-разному — это в основном реализм, но в нем присутствуют разные направления. Буквально вчера закончил два подготовительных варианта для многослойной живописи dreamvision.

G: Я знаю, что в Ульяновске есть школа имени Никаса Сафронова. Вам, человеку верующему, не кажется это гордыней?

Н. С.: Мое имя носят две школы — в Ульяновске и в Дмитровграде Ульяновской области. Да, государственные школы Никаса Сафронова. Они обращались в городскую думу, администрацию города Ульяновска. Я там почетный гражданин города и области. Понимаете, все это можно расценивать по-разному. Во-первых, они просили сами, а я не просил, более того — даже не знал. Они называли школу моим именем, а потом обратились ко мне. Я поддерживал их музей — оформлением, покупкой каких-то предметов. Я не смотрю на это не как на гордыню, а как на неотъемлемую часть успеха и как на возможность поддержать тех людей, у которых должен быть стимул. Расскажу вам такую историю. Сiju я в одном ресторане, где чувствуют именинника, очень уважаемого человека. И вдруг одна девушка говорит: «А я хочу выпить за Никаса. Нет, не потому, что он именитый художник — это тоже, конечно, важно, а потому, что я училась в школе № 65 имени Никаса Сафронова и думала, если Никас смог, то и я смогу. Я окончила школу, а сейчас должна получить золотую медаль в МГИМО. И это все благодаря Никасу — он дал мне стимул». Поэтому это всегда полезно для детей — давать новое направление для их развития, патриотическое, духовное, профессиональное. Чтобы они не начинали ориентироваться на псевдокультуру.

G: А что такое псевдокультура?

Н. С.: Это инсталляции, перформансы, разного рода издевательства над телом. Вот один прибил свои гениталии к брусчатке площади. Люди же смотрят на это, и дети тоже. Другой режет себе вену, пальцами размазывает

кровь и считает, что это искусство. Третий рисует своими экскрементами, четвертый в Китае бьет вазу, которой две с половиной тысячи лет, и называет это «Семечки». Все это псевдокультура, которая не несет позитива. Я все-таки подаю искусство через метафоры — классическое, апробированное искусство, которое зиждется на профессиональном знании и мастерстве.

G: Как вы относитесь к критике?

Н. С.: По-разному. Если критика объективная, я что-то исправляю, что-то меняю. Но в любом случае, она должна быть, и ты должен как-то реагировать на это. Она тебя ранит, задевает, но главное, чтобы не оскорбляла. Понимаете, нельзя судить такого человека, как я, с кондачка. Я уже состоялся не сегодня, а давно. Можно судить и о Леонардо да Винчи — он написал 12 картин, и не все совершенны, можно судить и Саврасова, который написал много ерунды, и Микеланджело, у которого были скульптуры с короткими ногами или руками. Критиковать можно всех. Но есть «Джоконда», есть «Давид», есть

«Грачи прилетели».... Поэтому, когда тебя задевают от злобы, от неприятия, ты понимаешь, что это чушь собачья.

Ко мне как-то подошел мой студент: «Профессор, когда я буду большим художником, я хочу быть похожим на вас». Я ответил, что в его возрасте хотел быть Леонардо да Винчи. То есть цели должны быть высокими. Я состоялся не благодаря богатым родителям — мама медсестра, папа был и военным, и грузчиком в разное время, в семье не было такого — отдать последние деньги, только учись. Я уехал сам поступать в мореходку, хотел быть пиратом. Когда у меня появилась жена-француженка, дочка миллиардера, я мог жить припеваючи. Но мне что-то не понравилось в отношениях, я подал на развод. И стал использовать возможность выезжать на Запад. Поехал в музеи в Италии, Голландии, во Франции изучал экспрессионистов, в Лондоне изучал Тернера и Ван Дейка. Я хотел быть профессионалом. Жил в Загорске восемь месяцев, чтобы изучать иконопись, но меня не допускали, потому что я не се-

минарист. В конце концов разрешили — это был 1982 год. Я сам состоялся. И я хочу, чтобы люди становились профессионалами, кем бы они ни были — слесарями, сантехниками, врачами или художниками.

G: Встречались ли вам люди, которые вас чем-то поразили, запали в душу, о которых вы можете сказать, что они особенные?

Н. С.: Прежде всего — мой духовник Владимир Волгин. Кстати, он духовник Дмитрия Анатольевича и Светланы Медведевой. Он произвел на меня колоссальное впечатление. Отец Ефрем — он привозил Пояс Богородицы. Я ездил специально к нему для написания портретов в Грецию, в Афон. Его взгляд, общение, духовность, энергетика... Да много есть людей, которые меня покоряют. Любая яркая личность производит впечатление. Я думаю, что если увидеть индивидуальность человека, понять ее, то могут быть и неожиданные открытия. Люди разные, но когда ты приближаешься к ним, они вдруг открываются по-новому. Эта злобная женщина может быть нежной матерью, а генерал — в душе мальчишкой. И наоборот, кстати: вот эта прикидывающаяся монашкой может быть истеричной и стервозной.

G: Были ли такие случаи, когда вы отказывали заказчику писать его портрет?

Н. С.: За мою карьеру — два-три случая. Это были женщины, к сожалению. Не потому, что я выбираю сам, кого писать, кого нет. До этого еще не дошло. Но есть люди, которые вызывают неприятие. Они и ведут себя по-хамски. Если человек негативный, ты чувствуешь, что от общения с ним теряешь, а не приобретаешь.

G: Вы написали множество портретов совершенно разных людей. И вкусы у них, наверное, тоже разные. Как так получается, что вы нравитесь многим?

Н. С.: Я пишу индивидуальность. Очень редко ошибаюсь. Я все-таки психолог по жизни, в общении с людьми научился понимать их и чувствовать. Через глаза, разговор, общение. Человек сам подсказывает, чего он хочет. В процессе общения человек даже не осознает, что отвечает на вопросы моих тестов. Не надо, чтобы он позировал. Я изучал много техник и могу писать в разных стилях — это расширяет мои возможности. Вот я недавно ездил в Абу-Даби писать шейха — он мог выбрать любого художника мирового пространства, но выбрал меня. Но я не обольщаюсь по поводу своего имени. Я просто пишу портреты и делаю это грамотно. Помню, на выставке в Бельгии ко мне подошла одна пара: «Чего так дорого, 50 тысяч евро одна картина». Я говорю: «Так вы не берите». Они пришли на следующий день: «Вы знаете, мы ночь не спали. А можно за 45 хотя бы...» Я все-таки продаю искусство, и это очень важно. Но, не смотря на свою известность, я сегодня еще больше требователен к себе, больше недоволен собой — хочу что-то доизменить, дорисовать, доделать, досовершенствоваться. Это нормально для профессионала. ■